

УДК 82

ВЛАДИКАВКАЗСКАЯ ПЬЕСА М.А. БУЛГАКОВА...**Г.И. Кусов, З.С.Дудаева**

Потомкам великих интересно все из их творческого наследия: записные книжки, автографы писем и даже случайные фразы, нередко дополняющие их биографии. Любопытную интригу и некоторую недосказанность вносит в первые драматические опыты М. Булгакова владикавказского периода его пьеса «Сыновья муллы».

Пьеса, единственно сохранившаяся из пяти его ранних пьес, поставленных на сцене первого советского драматического театра в 1920–1921 гг. и имевших бурный успех у зрителей.

Кажется, о пятой и последней пьесе, «Сыновья муллы» давно и все известно. Она написана во Владикавказе совместно с присяжным поверенным Туаджином Пейзулаевым – кумыком по национальности, уроженцем селения Аксай в Дагестане окончившим юридический факультет Петербургского университета. Официальная версия, изложенная А.М. Смелянским в статье-послесловии к тому пьесу Булгакова, гласит: «Драматургическая поделка, сочиненная в соавторстве с «туземным» приятелем и голодухой в начале 1921 года во Владикавказе» [1, с. 573]. Кстати, М.О. Чудакова указывает более точную дату – не в начале 1921 г., а в конце апреля, и показана впервые на сцене 15 мая 1921 г. [2, с. 144]. Пьесу писал, конечно, Булгаков, а снабжал его материалами из горского быта Т. Пейзулаев, возможности которого позволяли ему, юристу, договориться с ингушским подотделом искусств о неплохом для того времени гонораре в 200 тысяч, разделенных пополам с вычетом обязательного банкета. Об этом на страницах «Богемы» и «Записках на манжетах» сообщил сам Булгаков в присущем ему ироническом тоне.

Хотя, если внимательно прочитать эти строчки, можно понять и такой важный момент: зрителям, пришедшим в театр от винтовки и плуга, требовались понятные и правдивые спектакли, рассказывающие о их жизни и борьбе с ненавистной царской бюрократией. Поэтому они так горячо встречали игравших на сцене самостоятельных актеров-ингушей. Об этом впоследствии вспоминали участники и зрители спектакля, да и сам Булгаков:

«В туземном подотделе пьеса произвела фурор. Ее немедленно купили за 200 тысяч. И через две недели она шла.

В тумане тысячного дыхания сверкали кинжалы, газыри и глаза. Чеченцы, кабардинцы, ингуши после того как в третьем акте геройские наездники ворвались и схватили пристава и стражников, кричали:

– Ва! Подлец! Так ему и надо!

И вслед за подотдельскими барышнями вызывали: «автора»!

За кулисами пожимали руки.

– Пирикрасная пьеса!

И приглашали в аул...» [1, с. 488].

Кусов Генрий Измаилович – доктор исторических наук, профессор кафедры физической и экономической географии Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, 362040, РСО-Алания, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 46, т. 8(867)2530913.

Дудаева Заира Самсоновна – кандидат географических наук, доцент кафедры физической и экономической географии Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, 362040, РСО-Алания, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 46, т. 8(867)2530913.

Kusov Henry – North-Ossetian State University, 46, Vatutina Street, Vladikavkaz, 362040, tel. +7(867)2530913.

Zaire Dudayeva – North-Ossetian State University, 46, Vatutina Street, Vladikavkaz, 362040, e-mail: dudaevazaira@yandex.ru, tel. +7(867)2530913.

Владикавказский успех пьесы на сцене позволил М.А. Булгакову связать с ней определенные надежды.

Ни одной из своих владикавказских пьес Булгаков не посвятил столько внимания, как «Сыновьям муллы». Он поведал о своем знакомстве с соавтором, рассказал о технике сочинительства с участием супруги Пейзулаева, о том, как пьесу восприняли зрители и даже о дальнейшей судьбе необычного коллективного творения. С иронией, гротеском, с посыпанием головы пеплом: будто предвидел, что через несколько лет его новые пьесы будут собирать полные залы столичных театров. А во Владикавказе, – как пишет сам М. Булгаков, – он стоял в кабинете начальника особого отдела и пытался оправдаться, зачем уезжает из Владикавказа в Закавказье. «А зачем вы в Тифлис едете? Отвечай быстро, не задумываясь, – скороговоркой проговорил маленький.

Для постановки моей революционной пьесы, – скороговоркой ответил я». Это признание растопило лед недоверия начальника особого отдела, но смутило драматурга, который считал пьесу «дрянью» [1, с. 470].

Если верить Татьяне Николаевне Лаппа (Кисельгоц) – первой жене М. Булгакова, Михаил Афанасьевич мог в особом отделе предъявить и официальный документ, подтверждающий, что он едет «по служебным делам (за гардеробом для театра)» [3, с. 89]. Но пьеса, наверное, явилась более солидным предлогом. Тем более, что революционную пьесу поставить в Тифлисе Булгаков все же мечтал. Но, конечно, не «Турбиных» и не «Парижских коммунаров». И притом уверял, что останется в Грузии. Но бывшая столица Кавказского наместничества не приняла его так, как Владикавказ. Он был для местного общества незнакомцем, без связей, больших денег и опыта. «Михаил поехал в Тифлис – ставить пьесу, вообще разведать почву. Потом приехала я. В постановке пьесы ему отказали, печатать его тоже не стали. Ничего не выходило» – раскрыла секрет мужа Татьяна Николаевна в беседе с М.О. Чудаковой. [2, с. 145].

Не тогда ли Булгаков, наконец, понял, что для подлинного успеха необходимо выбираться с Кавказа в столицу, начинать налаживать связи, постепенно создавать творческое имя и главное работать, работать и работать? В Москве он, как известно, начал с чистого листа и решил забыть свои первоначальные литературные опыты в драматургии, уничтожив все владикавказские пьесы. Кроме одной... которую уничтожить был бессилён.

Драматургический голод и революционный сюжет, крепко сколоченный текст, уважение к религии открыли пьесе о сыновьях муллы долгую сценическую жизнь в кружках художественной самодеятельности национальных автономий. В Чечне, Ингушетии, Кабарде пьесу играли на русском языке. К сожалению, неизвестно, как обстояли дела о ее переводе на языки народов Северного Кавказа – кроме... Южной и Северной Осетии.

Текст пьесы не только перевели на осетинский язык для актеров и суфлеров, но и опубликовали в югоосетинском журнале «Фидиуаг», № 4 за 1930 год [4, с. 141]. И... совершил этот литературный подвиг Беса Тотров, человек хорошо знакомый заведующему театральной секцией Владикавказского подотдела искусств Михаилу Булгакову. С ним Тотров создавал осетинскую драматическую студию и набирал желающих в ней заниматься.

28 мая 1920 г. Михаил Булгаков направляет в Осетинский отдел народного образования короткую записку: «Прошу Вас в срочном порядке доставить нам списки осетин, желающих заниматься в Народной Драматической студии сценического искусства. Студия начинает функционировать на этих днях» [5, с. 143].

К сожалению, утверждать, что первые осетинские самодеятельные актеры приняли участие в постановке пьесы «Сыновья муллы», нет оснований, так же, как и о ее значении для развития осетинской профессиональной сцены. О том, что пьеса неоднократно ставилась в осетинских селениях, свидетельствуют, прежде всего, ее перевод и публикация в литературном журнале. Большой успех имела пьеса у зрителей важного в то время культурного центра Осетии – селении Ардон. В ней в 1928/29 гг. играл будущий корифей осетинского театра, народный артист СССР Владимир Тхапсаев. Семнадцатилетний юноша играл роль старика-муллу [4, с.116].

О призыве записываться в Народную драматическую студию широко объявил в начале июня 1920 г. новый заведующий подотделом искусств Г. Евангулов. А уже в начале сентября в газете «Коммунист» сообщили о принятии теперь уже в областную народную драматическую студию – 100 человек и к занятиям в ней привлечены т.т. Ю. Слезкин, М. Булгаков, Р. Беме, Л. Башкина и др.» [5, с. 159]. Среди «др.» – других – мог быть и Беса Тотров.

По традиции того времени подотдел искусств Осетинского ревкома командировал для занятий в студию курсантов Ф. Цоколаеву, А. Келлер, К. Барукаеву, Гуцунаеву, Х. Дзанагова, Вл. Цоколаева, Т. Габанова, а в феврале 1921 г. Приказом № 763 по отделу народного образования Осревкома были произведены назначения уже в осетинский национальный театр, в котором Беса Тотров стал артистом с возложением обязанностей режиссера [4, с. 140].

Все, кто знаком с этим документом, могут решить: любительский кружок, режиссер-любитель! Но в тогдашнем Владикавказе не было человека, более профессионально подготовленного в театральном искусстве, чем Борис (Беса) Тотров. Впоследствии его представляли первым профессиональным осетинским актером, одним из основателей национального драматического театра, хотя немногие знали тонкости его биографии. Как не знали и того, что ученик шестиклассного Владикавказского городского училища, впервые увидев на сцене театра, куда его привела квартирная хозяйка, трагедию В. Шекспира «Ромео и Джульетта», а потом комедии А.С. Грибоедова и Н.В. Гоголя «Горе от ума» и «Ревизор», заболел театром на всю жизнь. Прошло немного времени, и юноша из осетинского селения Ольгинское поступил в частное музыкально-драматическое училище Кедхудовой, где преподавали актеры московского Малого театра. Познания, приобретенные в Москве, позволили ему стать статистом-экстерном в Александринском театре в Петербурге. С помощью знаменитого А.Н. Южина Б. Тотров поступает актером в Малый театр, где работает с М.Н. Ермоловой, А.А. Яблочкиной, А.А. Остужевым, П.М. Садовским [6, с. 41–42]. Так что перед Булгаковым в 1921 г. предстал не участник самодеятельного кружка в «дыре захолустной», а профессионал актерского дела, которому в то время мог позавидовать любой человек, имеющий во Владикавказе отношение к театру, включая и самого М.А. Булгакова.

В своих воспоминаниях «У колыбели Осетинского театра» Беса Тотров не рассказал ни о своих встречах с Булгаковым, ни о работе созданного коллектива, «нечто похожего на национальный театр», ни подробно об агитбригаде «Красный горец», которая зимой 1920 г. с большим успехом выступала в Алагире, Ардоне и добралась даже до высокогорного Цея. Как вспоминал Б. Тотров, спектакль по пьесам, переведенным с грузинского, традиционно начинался после доклада. В них не было особой актуальности и революционности, а лишь присутствовал кавказский быт [6, с. 78]. Это, очевидно, и явилось одной из причин для осетинского актера и режиссера перевести пьесу «Сыновья муллы», завоевавшую успех у зрителей, и заставить ее героев говорить по-осетински.

В 1960 г. Тамара Сослановна Гойгова, работавшая вместе с молодым Булгаковым в отделе народного образования г. Владикавказа, передала вдове писателя Е.С. Булгаковой единственный, найденный в Грозном, суфлерский экземпляр пьесы «Сыновья муллы» на русском языке [2, с. 143]. Впервые булгаковский текст пьесы на русском языке был опубликован в «Приложении» к «Булгаковской энциклопедии» [7]. Машинописная копия пьесы на осетинском языке, по данным Д.А. Гиреева, одно время хранилась в кабинете осетинской литературы Северо-Осетинского госуниверситета им. К.Л. Хетагурова [4, с. 141]. О ее местонахождении в настоящее время ничего не известно. Мы обратились к тексту в журнале «Фидиуаг» № 4 за 1930 г. Напечатанный латинским шрифтом, он был любезно предоставлен нам Национальной библиотекой РСО-Алания [8].

Безусловно, сравнение двух текстов – русского (суфлерского) и осетинского (тотровского) – вызывает немалый интерес текстологов, лингвистов, литературоведов, историков литературы... Вот одна из загадок. Так называемый суфлерский текст имеет заглавие: «М.А. Булгаков Сыновья муллы. Пьеса из жизни ингушей в 3 актах». Публикация же в югоосетинском журнале представляется как драма из предреволюционной жизни в трех актах. Написано Булгаковым из жизни горцев. И сверху крупно «Булгаков. Сыновья муллы» [7, «Приложение»].

Остается не выясненным и тот факт, что Булгаков в своей ранней прозе уделил столько внимания своему соавтору и соседу по дому на улице Слепцовской в г. Владикавказе юристу Туаджину Пейзулаеву, а в суфлерском экземпляре, найденном в Грозном, и осетинском журнале автором, фигурирует только Булгаков. Можно предположить, что согласно договору юрист выступил в качестве этнографического консультанта и получил половину гонорара. А представление его в качестве полноправного соавтора сделано Булгаковым для колоритного литературного преувеличения. В противном случае, при строгости советской власти к авторскому праву, лишение литературного помощника возможности соседствовать на титуле обложки –

было бы просто невозможно. И невозможно даже, учитывая факт уничтожения Булгаковым всех своих владикавказских пьес!

Текстологический анализ показывает, что драма в трех актах, написанная Булгаковым из жизни горцев, переведенная на осетинский язык Беса Тотровым, а с осетинского языка впервые переведенная Заирой Дудаевой, практически не отличается от суфлерского оригинала на русском языке. Незначительные изменения (жена муллы из Патимат стала Фати, начальник участка – приставом, Аминат, невеста Магомеда – девушка Магомеда и т.д.) [8, с. 1] не влияют на сюжетное развитие пьесы. По тексту Тотров делал незначительные, но резкие вставки в своей редакции: «Люди скоты и друг друга убивают как скот» [8, с. 3]; «У кого сейчас беззаботная жизнь. Кто доволен соей жизнью» [8, с. 5]. Или фраза, которой заканчивается пьеса. У Булгакова: «Нет, мы произнесем другую молитву – революционную. Клянемся все служить великой революции до последней капли крови. Я клянусь!» [7, «Приложение»]. У Тотрова: «Нет, не нужна молитва муллы. Скажем новую молитву – революционную молитву: Клянемся, все в том, что до последней капли будем трудиться и защищать новую власть» [8, с. 24].

Несмотря на то, что в этой пьесе, как считают, «не видна рука Булгакова» и ее нельзя ставить на один уровень с такими его шедеврами, как: «Дни Турбиных», «Зойкина квартира», «Бег», «Иван Васильевич», иметь представление о первых драматических опытах гения тоже небезынтересно, так же, как и сохранять заложенную в их написании интригу и некую недосказанность. Кроме того, есть все основания утверждать, что публикация Тотрова на осетинском языке вносит известный вклад в булгаковедение. Прежде всего, она позволяет убедительно подтвердить, что найденный в Грозном суфлерский текст на русском языке действительно принадлежит к первой подлинной редакции пьесы, созданной Булгаковым и Пейзулаевым, и не подвергся особым режиссерским изменениям и текстовым дополнениям в угоду политической ситуации на Северном Кавказе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгаков М.А. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 1. М.: Худ. лит-ра, 1990. 624 с.
2. Чудакова М.О. Жизнеописание Михаила Булгакова. 2-е изд., доп. – М.: Книга, 1988. 672 с.
3. Паршин Л.К. Чертовщина в американском посольстве в Москве, или 13 загадок Михаила Булгакова. М.: Книжная палата, 1991. 208 с.
4. См.: Гиреев Д.А. Михаил Булгаков на берегах Терека. Орджоникидзе, Ир, 1980, 142 с.
5. Файман Г. «Местный литератор» Михаил Булгаков // Театр. 1987. № 6. С. 134–169.
6. Тотров Б. У колыбели осетинского театра. Орджоникидзе: Северо-Осетинское кн. изд-во, 1963. 100 с.
7. Соколов Б.В. Булгаковская энциклопедия. М.: Локид. Миф, 2000, 592 с.
8. Михаил Булгаков. Муллаы фырттæ // Фидиуæг. 1930. № 4. С. 21–29.

REFERENCES

1. Bulgakov M.A. *Sobranie sochinenij* [Collected Works]. In 5 vols. Vol. 1. Moscow, Hudozhestvennaja literatura, 1990, 624 p.
2. Chudakova M.O. *Zhizneopisanie Mihaila Bulgakova* [Biography of Mikhail Bulgakov]. 2nd ed., Moscow, Kniga, 1988, 672 p.
3. Parshin L.K. *Chertovshhina v amerikanskom posol'stve v Moskve ili 13 zagadok Mihaila Bulgakova* [Hell at the American Embassy in Moscow or 13 puzzles by Mikhail Bulgakov]. Moscow, Knizhnaja palata, 1991, 207 p.
4. Gireev D.A. *Mihail Bulgakov na beregah Tereka* [Mikhail Bulgakov on the banks of the Terek]. Ordzhonikidze, Ir, 1980, 142 p.
5. Fajman G. *Teatr*, 1987, no. 6, pp. 134–169.
6. Totrov B. *U kolybeli osetinskogo teatra* [At the cradle of the Ossetian theater]. Ordzhonikidze, North Ossetian Publishing House, 1963, 100 p.
7. Sokolov B.V. *Bulgakovskaja jenciklopedija* [Bulgakov encyclopedia]. Moscow, Lokid. Myth, 2000, 592 p.
8. Mihail Bulgakov. *Fidiuaeg*, 1930, no. 4, pp. 21–29.